

возобновлялся.<sup>27</sup> Значит, во время казни «на Пожаре» дворца уже не было. Эта ошибка чисто книжного происхождения, сделанная составителем летописной компиляции, включившей повесть на основании знакомства со старыми летописями, откуда он и вычитал о дворце за Неглинной.

В обоих списках этой редакции фамилия героя повести не «Белоуленев», а «Белоулин». Добавилась и внешняя характеристика Харитона Белоулина, не отличающаяся высокой художественностью и скорее отдающая ходячим штампом: «черн власы, образом страшен». Зато выпало хотя и жуткое, но художественное описание крови, разбрызгиваемой во все стороны качающимися на ногах трупом: «...и падшая кровь, где пав наипаче больма<sup>28</sup> светлася и играя красно велми, яко жива вопия и не отмываяся». В этих словах, опущенных поздними переписчиками, виден истинно художественный прием — создание обобщения, впечатления о невинности казненного, с помощью, казалось бы, чисто внешнего описания.

В обоих списках второй редакции есть и одно характерное дополнение. Автор повести как истинный художник был краток. Сказав о приготовленных плахах, он в нескольких словах отмечает: «Московстии и же князин и гости, всякого чину люди, зряще такую належащую беду страхом одержимы быша». Страх народа накануне казни безусловно имел место и поэтому отмечен. Но не он предмет описания. Поэтому о нем сказано кратко. Вспомним, что именно так, почти дословно так, создавая ту же картину того же времени, писал и замечательный русский писатель XIX века А. К. Толстой. В стихотворении «Василий Шибанов» он описывает в мрачных тонах московское утро. И здесь царь в черной («смирной») одежде, и здесь ничего хорошего не предвещает его усердное названивание в колокол:

И звону внимает московский народ,  
И молится полный боязни,  
Чтоб день миновался без казни.

Настроение народа выражено кратко и вместе с тем исчерпывающе: «молится полный боязни». Ровно три слова. Так же говорится о людях московских в ранней редакции повести: «страхом одержимы быша». Ровно три слова.

Иное мы видим в поздних списках. При соприкосновении с книжной традицией от этой высокой краткости не осталось и следа. Указание на страх народа дало повод прибавить сюда несколько традиционных книжных штампов: «проливающие аки реку слезы и несмеяху людие друг по другу приближитися, чли друг со другом слово глаголати, страха ради царева. Только глаголаху: „Господи помилуй“».

<sup>27</sup> П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы, т. I. 1147—1762 М., 1850, стр. 56. — Сообщив об этом, П. В. Сытин делает примечание, что в Пискаревском летописце, опубликованном О. Л. Яковлевой, есть свидетельство, что царский дворец за Неглинной был восстановлен. Это суждение является необоснованным. Оно не подтверждается ни одним свидетельством о пребывании Грозного в дворце за Неглинной после 1571 г. Оно противоречит данным о том, что взамен сгоревшего дворца был поставлен новый на Петровке (П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 44—45). А главное, такой вывод вовсе и не вытекает из сообщения Пискаревского летописца. Там под 1598/99 г. сказано: «...того же году поставлен другой земский двор за Неглинною, блиско Успенского вращка, у мосту, против старого государева двора, где после князь Дмитрий Шуйский жил» (Пискаревский летописец, стр. 103). Прочитать здесь, будто «старый государев двор» был восстановлен и что именно в государевом дворе поселился князь Дмитрий Шуйский, совершенно невозможно. Ясно, что речь идет об определении места. Сначала там был «государев двор», а потом на том месте или рядом поселился князь Шуйский. Важно, что на месте «старого двора», как дополнительно ясно из данного известия, не был выстроен «новый» и что Грозный там наверняка не жил после 1571 г.

<sup>28</sup> Так в рукописи.